

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

Решение «студенческого вопроса» в университетском уставе 1863 г.

Выполнено по гранту РГНФ 12–03–00137

Отмечается повышенное внимание составителей университетского устава 1863 г. к студентам, что стало следствием студенческих беспорядков предшествующих лет и выражением намерений найти средства для противодействия им. Подчеркиваются факты ликвидации студенческой корпорации, вывода студентов российских университетов из состава «ученого сообщества» и позиционирования их исключительно как «лиц самостоятельных и на время только приходящих в университет». Отмечается, что главные обязанности студентов состояли в беспрекословном подчинении университетскому руководству и соблюдении на территории университетов «особых для учащихся правил», в соответствии с которыми каждый университет разрабатывал собственный дисциплинарный устав, где были указаны возможные проступки и предусмотрены соответствующие за них наказания. За совершение преступлений уголовного характера студенты подлежали отчислению из университета, их дела передавались полиции для возбуждения уголовного дела в соответствии с законодательными нормами Российской империи. Отмечается, что контроль за исполнением студентами правил поведения на территории университетов возлагался на избираемого из профессоров проректора или на чиновника со стороны – инспектора, имевшего университетское образование; обе кандидатуры подлежали утверждению министром народного просвещения. Подчеркивается, что с конца 1860-х гг. студенты стали выражать недовольство новым уставом и присоединились к лагерю его злейших противников. Рассматриваются аспекты академической деятельности студентов Императорских российских университетов: прием абитуриентов, ликвидация института «казеннокоштных студентов», стипендиальное обеспечение, организация контроля за качеством обучения, образовательные технологии, система поощрений лучших студентов.

Ключевые слова: Императорские российские университеты, университетский устав, университетская администрация, студенты, студенческая корпорация, студенческая солидарность, «отдельные посетители университета», дисциплинарный устав, «особые для учащихся правила», проректор (инспектор), академическая деятельность студентов.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

Solution of "the Students Question" in the University Charter of 1863

Special attention of the authors of the University Charter in 1863 to students was noted that it was a consequence of students disorders of previous years and expression of intentions to find means to counteract them. The facts of liquidation of students corporation are emphasized, expulsion of students of the Russian Universities from the structure of "the scientific estate" and their positioning exclusively as "independent persons and who come to the University for some period of time". It is noted that the main duties of students consisted in implicit submission to the University management and observance in the territory of Universities to "special rules for students" according to which each University developed own disciplinary charter where possible offenses were specified and corresponding punishments were prescribed. In case of offences of criminal character students were to be expelled from the University, their cases were given to the police to initiate legal proceedings according to legislative norms of the Russian Empire. It is noted that control of execution by students of rules of behaviour in the territory of Universities was imposed on the Vice-Rector elected from professors or on the official from outside – an inspector who had University education; both candidates were to be approved by the Minister of National Education. It is emphasized that since the end of the 1860-s students began to show discontent with the help of a new charter and joined the camp of his angriest opponents. Aspects of the academic activity of students of Imperial Russian Universities are considered: admission of applicants, liquidation of the institute of "kazennokoshtny students", scholarship providing, organization of control in quality of training, educational technologies, a system of encouragement of the best students.

Keywords: Imperial Russian Universities, the University Charter, University administration, students, students corporation, students solidarity, "certain visitors of the University", a disciplinary charter, "special rules for students", Vice-Rector (inspector), students' academic activity.

Университетский устав 1863 г. значительно больше, чем его предшественник 1835 г., уделил внимания студентам. Рост их активности, проявления корпоративной солидарности, претензии на независимость от университетской админист-

рации, наиболее ярко давшие о себе знать в 1859–1861 гг., заставили составителей университетского устава решать не проблемы кардинальных перемен академической жизни, а вопросы «приискания средств к более успешному проти-

вудействию беспорядкам» [46, с. 170] в студенческой среде. По отзывам современников, «вопрос об устройстве отношений университета к студентам оказался гораздо более трудным», даже по сравнению с проблемой достижения университетского самоуправления [34, с. 793]. И, если главным достоинством устава они называли предоставление «автономии университетским советам», то его главным недостатком видели «наказание» студентов за их «своеволие» и лишение их «завоеванной до 1861 г. относительной академической свободы» [24, с. 134].

Аналогичного мнения придерживаются и современные исследователи университетского устава 1863 г. Так, С. Д. Кэссоу неоднократно повторяет мысль о том, что «профессора добились многого из того, что они хотели, а студенты потеряли многое из того, что уже имели» [33, с. 328], и что «с точки зрения студентов принятие подобного устава было шагом назад, поскольку в нем аннулировалось все то, что им удалось завоевать в 50-е годы» [33, с. 329].

Устав 1863 г. последовательно проводил в жизнь идею Н. И. Костомарова о студентах как об «отдельных посетителях университета»¹, хотя самой дефиниции студентов как «отдельных посетителей университета» устав не содержит. Она дана лишь в циркуляре А. В. Головнина, разосланном им в июле 1863 г. всем попечителям учебных округов по поводу введения нового университетского законодательства [46, с. 178]. Однако имплицитно намерение законодателей избавить академическую корпорацию от такого недостойного элемента, как студенты, присутствует в тексте документа: его языке, формулировках юридических положений, названиях разделов [2].

Сравнительный анализ университетских уставов 1804, 1835 и 1863 гг. свидетельствует о постепенном сужении смысловой нагрузки понятий «университет» и «академическое сословие».

Первый параграф университетского устава 1804 г. гласит: «Университет есть высшее учебное сословие... В нем приуготовляется юношество для вступления в различные звания государственной службы» [3]. В третьем параграфе первой главы сказано, что «университет составляют: 1) ... ординарные и экстраординарные профессеры... 2) адъюнкты; 3) магистры; 4) студенты... 5) учителя языков...»

Десятая глава александровского устава называется «О студентах вообще», а одиннадцатая – «О [б] инспекторе и казенных студентах».

«Общие положения» устава 1835 г., элиминировавшие атрибуты университета, тем не менее, не исключают студентов из академического сословия, что следует из определения понятия «факультет»: «Каждый факультет состоит из учащих и учащихся» [1, гл. I, § 3], в то время как «самый прогрессивный в царской России» устав 1863 г. «личный состав» второй главы «О факультетах» характеризует уже совсем иначе: «Каждый факультет состоит из декана, профессоров ординарных и экстраординарных, доцентов и лекторов... приват-доцентов» [2, гл. II. Отд. I, § 6]. Как видно из этого определения, студенты 60-х гг. не относятся более к «личному составу» факультетов – они вообще выброшены за пределы академического сословия.

Таким образом, борьба со всеми проявлениями корпоративной студенческой солидарности: кассами взаимопомощи, спонтанно возникавшими «читальнями», сходками, а самое главное, – протестным движением рубежа 50–60-х гг. – была доведена до крайности и абсурда: она привела к тому, что даже при рубрикации нового университетского законодательства исчезло слово «студенты», которое, видимо, при благоприятных обстоятельствах недобросовестными учащимися университетов могло быть использовано с провокативной целью – как признание присутствия студенческой корпорации в университете.

«Не желая признавать в студентах никакой отдельной корпорации, – сообщает комментатор устава, – казалось, полезнее для успешного хода преподавания и научных занятий молодых людей... видеть в них только жителей университетского города, подчиненных, наряду с другими, обыкновенной полиции и имеющих право посещать университетские лекции на известных условиях» [22, с. 117].

Итак, по уставу 1863 г. студенты не составляли академической корпорации и позиционировались исключительно как «лица самостоятельные и на время только приходящие в университет» [22, с. 117]. Аннулирование студенческой корпоративной организации рассматривалось как своего рода наказание учащейся в университетах молодежи за участие в беспорядках конца 50-х – начала 60-х гг. Для того чтобы искоренить любые поводы для студенческих волнений и обеспечить «правильное» течение академической жизни, «сохранить достоинства университетов», устав разорвал корпоративные узы студентов, стремясь превратить их в независимых друг от друга участников образовательного процесса, встречав-

шихся в аудиториях лишь с одной целью, реализации которой и служили университеты, – учебной.

Эти положения, скрытые от непосвященных в тайны нового университетского законодательства, становились явными после появления подзаконных актов, которыми был «обременен» устав 1863 г.

«Самый либеральный» министр просвещения А. В. Головнин в своем циркуляре к попечителям учебных округов потребовал от них включить в правила об обязанностях учащихся университетов положение о том, что «студенты считаются отдельными посетителями университета, а потому не должно быть допускаемо никакое действие их, носящее на себе характер корпоративный». Студенческие сходки категорически запрещались. Право «veto» налагалось на студенческие библиотеки и «читальни», кассы взаимопомощи, выбор депутатов для предъявления университетской администрации каких-либо заявлений и прошений. Даже устройство студенческих концертов и театральных представлений становилось невозможным. Курительные комнаты, где в 1861 г. нередко созывались сходки и развешивались прокламации, предлагалось немедленно закрыть [46, с. 178]. Этими мерами правительство пыталось искоренить все формы коллективной жизни студенчества, уничтожить почву для возрождения студенческих объединений.

Новые правила поведения студентов преподавались не от имени министра и не от лица Министерства народного просвещения. Желая снять с себя ответственность и за возможный провал «стеснительных» мер в отношении студентов, и за вполне вероятный новый взрыв недовольства универсантов, правительство искусно использовало обходной маневр: оно переложило на плечи попечителей учебных округов и университетские советы ответственность за детальную проработку и проведение в жизнь этих указаний. Поскольку циркуляр и его автор были неизвестны студентам, то они вправе были считать виновниками своего бесправного положения университетское руководство. Министерство просвещения при этом оставалось в тени и демонстрировало непричастность к инспирированным им же дисциплинарным правилам².

Секретный замысел А. В. Головнина был раскрыт, когда он сам развязал полемику в печати по поводу новых студенческих правил [16, с. 376, 385], используя для этого и либеральную прессу. К примеру, в субсидируемой правительством га-

зете «Голос», которая пользовалась популярностью в либеральных кругах, был организован своеобразный «круглый стол», участники которого обвиняли и министерство, и университетские власти в наступлениях на права студенчества, а министр разъяснял политику своего ведомства, защищая ее от нападок журналистов. Это «трюк-качество» А. В. Головнина имело своей целью создать ему репутацию борца за либеральные свободы в университетах³. На самом деле его желание и сотрудничать с правительством, и заигрывать со студенчеством одновременно⁴ – политика «двуликого Януса», для реализации которой использовалась хитроумная тактика «управляемых дискуссий», выдавало в нем явного интригана⁵, который не мог не догадываться, что провоцирует беспорядки в университетах, новые столкновения «учащих и учащихся», грозившие вполне реальной отменой автономии в «цитаделях науки» и даже закрытием университетов, что уже имело место в истории российского высшего образования.

Но сам А. В. Головнин старался этого не замечать. В своих «Записках...» он ни разу не упоминает о спущенном им же циркуляре, заставившем университетские советы принять «единые по духу»⁶ правила в отношении студентов. Напротив, он заявляет, что совет каждого университета «по своему усмотрению устанавливает правила относительно соблюдения в университете порядка и контроля над занятиями студентов... по своему усмотрению приводит эти правила в исполнение» [10, № 2, с. 104]. Министр даже ссылается на сорок второй параграф нового устава, который будто бы стал единственным юридическим обоснованием для того, чтобы «каждый университет издал свои особенные правила об обязанностях учащихся, о порядке в университете, о взысканиях за нарушение этого порядка» [10, № 2, с. 105]. Он уверяет нас в том, что «во всех университетах правила эти исполняются беспрекословно, и студенты им охотно подчиняются». Случаи нарушения этих правил «составляют не более как единичные явления»⁷. О студенческих волнениях, сходках, сборищах, политических демонстрациях, случаях общего неповиновения начальству и тому подобных печальных явлениях... вовсе не слышно... Со времени введения нового устава университетская молодежь стала ревностнее, чем прежде, заниматься наукою...» [10, № 2, с. 105].

Главная обязанность студентов, согласно уставу, состояла в повиновении университетскому

начальству и соблюдению в зданиях и учреждениях университета порядка, установленного «особыми для учащихся правилами» [2, гл. VIII. Отд. III, § 100]. Каждый университет, руководствуясь предоставленным им правом, составил собственный дисциплинарный устав, где были указаны проступки студентов и предусмотрены наказания, неминуемо следовавшие за совершение «действий запрещаемых» [2, § 100]. Общие основания этих правил, как мы выяснили, через попечителей, получивших из министерства соответствующие инструкции, делегировались университетским советам, а уже принятые в совете правила возвращались назад к попечителю для их утверждения и проведения в жизнь [2, гл. V. Отд. I, § 42. Б. № 8. г. д; § 100].

Правила ограждали университеты от беспорядков, которые могли быть учинены в их зданиях и учебно-вспомогательных подразделениях студентами и слушателями «из посторонних лиц», вопреки установленным дисциплинарным нормам [2, гл. V. Отд. III, § 58; § 101].

Кроме того, они предусматривали действия университетской администрации в случаях столкновений студентов с представителями административно-преподавательского корпуса, но если проступки учащихся не имели уголовного характера, то для их пресечения не могли быть использованы уголовные меры [2, гл. V. Отд. III, § 58; § 102].

В то же время все опрометчивые действия студентов, идущие вразрез с дисциплинарным уставом, подлежали разбору в университетских органах власти: правлении и суде, которые налагали на провинившихся учащихся взыскания в зависимости от тяжести проступков [2, гл. V. Отд. III, § 58, 59]. «Посторонние лица», нарушившие «особые правила», вносились в «черные списки» и лишались права посещать занятия [2, гл. VIII. Отд. III, § 101].

За совершение преступлений уголовного характера студенты исключались из университета и подлежали уголовной ответственности в соответствии с законодательными нормами Российской империи [2, гл. VIII. Отд. III, § 102, 104]. Кроме того, «вне зданий и учреждений университета» студенты подлежали «полицейским установлениям на общем основании» [2, § 103].

Таким образом, за поведением учащейся молодежи следили сразу две инстанции: университетская администрация и городская полиция.

Контроль за исполнением устава и «особых правил», установленных для студентов и слуша-

телей, возлагался на проректора, избравшегося из профессоров, или на «стороннего чиновника» – инспектора, получившего университетское образование. Обе кандидатуры утверждались министром просвещения [2, гл. VI, § 63–65]. Кроме того, для наблюдения за порядком в каждом университете назначались помощники проректора (инспектора) и секретарь по студенческим делам [2, гл. V. Отд. IV, § 60; гл. VI, § 67].

Проректор (инспектор) считался «начальником университетской полиции» [22, с. 118], его полномочия были не только определены уставом, но и продиктованы инструкцией, принимавшейся советом и утверждавшейся попечителем [2, § 66]. Это исключало произвол проректора (инспектора), прежде сильно раздражавший студентов. Каждый из них был осведомлен об «особых правилах» и ответственности за их нарушение и, более того, давал подписку, обязывающую его соблюдать предписанный дисциплинарный регламент [2, § 100].

При выборе «начальника университетской полиции» предпочтение отдавалось одному из наиболее уважаемых профессоров, который мог рассчитывать на искреннюю заинтересованность в вопросе укрепления академического порядка со стороны своих коллег, входивших в совет университета, и их своевременную поддержку. Наличие нравственного авторитета и опыта общения со студенческой публикой давало ему больше шансов, чем инспектору, установить доверительные отношения со студентами, предупредить студенческие забастовки, чего прежде почти никогда не удавалось достичь назначавшимся попечителем военным или гражданским чиновником, осуществлявшим «особенный и ближайший надзор за нравственностью всех учащихся в университете» [1, гл. V. Отд. II, § 69–75].

Высшее руководство студентами передавалось университетскому совету [2, гл. V. Отд. I, § 42], что, по ожиданиям составителей устава, должно было явиться мощным средством предотвращения академических «беспорядков». Влияние профессуры на составление всех правил внутреннего распорядка, норм университетского быта, организации академического процесса являлось выражением принципа университетской автономии, что также должно было быть позитивно оценено универсантами [45, с. 191, 192]. Но не стало: с конца 60-х гг. студенты принялись открыто выражать свое недовольство и уставом, и «особыми правилами». Отчуждение между «учащими и учащимися», вопреки надеждам на

его преодоление по мере укрепления получившей права самоуправления профессорской корпорации, сохранялось и углублялось: росту авторитета преподавателей явно не содействовало выполнение ими судебно-полицейских и карательных функций.

Вскоре выяснилось, что университетские советы, правления и суды бессильны и беспомощны в борьбе со студенческими волнениями, как и николаевские инспекции. Автономия университетов, как оказалось, по-прежнему ущемляла права студентов, поэтому в конце 70-х гг. они стали требовать пересмотра устава 1863 г. [44, с. 78], присоединившись к злейшим его противникам.

Создав нормативно-правовую базу, предназначенную стать заслоном против нарушения академического процесса, составители устава уделили значительно большее внимание, чем прежде, разработке условий для усовершенствования учебной деятельности студентов и улучшению организации научной работы на факультетах.

Как мы уже отмечали, университетские советы получили право «с утверждения министра разделять факультеты на отделения по местным обстоятельствам, педагогическим соображениям и имеющимся средствам» [10, № 2, с. 105]. Это давало возможность расширить и дифференцировать преподавание, учитывая потребности отдельных регионов Российской империи в наиболее востребованных там специалистах с высшим образованием. Кроме того, каждому университету была дана возможность увеличить число штатных кафедр и, соответственно, – количество научно-педагогических кадров для того, чтобы улучшить качество преподавания, приведя его в соответствие с достигнутым к тому времени уровнем развития науки. Расширение научно-материальной базы университетов, ставшее возможным благодаря возросшему государственно-му финансированию, должно было благотворно отразиться на совершенствовании учебной и исследовательской деятельности студентов. Значительные изменения претерпели и факультеты, где начался процесс более рационального подхода к организации учебного процесса. Заботясь об углублении специализации обучения, руководство университетов содействовало разделению кафедр на обособившиеся к тому времени научные дисциплины или сложившиеся отрасли научного знания, перемещению на другие отделения факультативных предметов, ранее перегружавших

учебные планы. В большей степени, чем прежде, стали учитывать личные запросы студентов, и это нашло свое отражение в разделении изучавшихся на факультетах дисциплин на главные (обязательные) и вспомогательные (второстепенные) [10, № 2, с. 105, 106].

Важным достижением нового университетского законодательства следует считать и совершенствование самой процедуры управления академической деятельностью студентов. Отныне каждый факультет получил право самостоятельно («собственной властью») утверждать «программы преподавания» наук, определенные уставом, и принимать меры «к усилению учебной деятельности студентов» [2, гл. II. Отд. III, § 23. А. № 1, 4]. Ему же принадлежала делегированная на утверждение университетским советам инициатива вносить предложения «о разделении факультета на отделения, соединении и разделении кафедр и замене одних из них другими, и определение, которые из предметов преподавания должны быть обязательными для студентов» [2, § 23. Б. № 4]. Принятые советом решения по этим вопросам через попечителя поступали на утверждение министра просвещения [2, гл. V. Отд. I, § 42. В. № 3]. В самостоятельной власти совета⁸ стало находиться распределение предметов обучения между факультетами и установление порядка их преподавания, причем решения по этим наиболее важным в деятельности университетов вопросам признавались окончательными [2, § 42. А. № 1].

Обновление механизма организации академической деятельности обеспечивало возможность перестроить научную и учебную деятельность университетов в соответствии с потребностями России.

Таким образом, устав предусматривал и расширение объема преподавания научных дисциплин, и углубленное изучение их содержания, и преобразование устаревших приемов организации образовательной деятельности. Он предоставлял университетам больше инициативы в использовании вариативных возможностей для поднятия уровня академических занятий.

Однако первые годы осуществления университетской реформы не принесли ожидавшихся результатов. При изучении статистических материалов даже создается впечатление, что все усилия Министерства народного просвещения, профессорско-преподавательских коллективов университетов, направленные на обновление и интенсификацию учебного процесса, пропадали

даром. Главная причина, объяснявшая медленные темпы намеченных преобразований, заключалась в хронической незамещенности многих кафедр, в том числе и заново учрежденных.

По новому штатному расписанию на открывавшиеся кафедры требовалось 178 преподавателей, в то время как «из числа прежних двухсот шестидесяти пяти кафедр многие уже и теперь не заняты или в скором времени должны сделаться вакантными», – писал современник [22, с. 111]. Во всех университетах оставались вакантными кафедры сравнительной грамматики индоевропейских языков, теории и истории искусств, истории русского права, истории славянского законодательства [44, с. 44, прим. 28].

На протяжении 70-х гг. XIX в. разрыв между наличным профессорско-преподавательским составом и утвержденными в 1863 г. университетскими штатами сохранялся; по-прежнему наблюдались трудности в подготовке научных кадров и в деле замещения освобождавшихся преподавательских ставок. Недосток преподавателей был особенно острым на историко-филологических и юридических факультетах. К примеру, в середине 70-х гг. XIX в. на историко-филологическом факультете С.-Петербургского университета читали 11 профессоров и 7 доцентов, Московского – 11 профессоров и 5 доцентов, Харьковского – 9 профессоров и 2 доцента, Киевского – 7 профессоров и 6 доцентов, Новороссийского – 7 профессоров и 4 доцента, Дерптского – 8 профессоров и 2 доцента [44, с. 44]⁹.

Особенно остро проблема с нехваткой профессорско-преподавательских кадров стояла в провинциальных университетах. Так, если в столичных центрах высшего научного образования даже при недостатке профессоров использование труда доцентов позволяло обеспечить все кафедры требовавшимся количеством преподавателей, то в провинциальных университетах дело обстояло иначе: на гуманитарных отделениях не доставало тридцати-сорока процентов преподавателей с научной квалификацией¹⁰.

На всех отделениях сохранялось немало (около двадцати процентов [44, с. 50, табл. 1]) «стародавних», по определению Ф. И. Буслаева [8, с. 367], профессоров, уход которых в отставку по возрастному критерию «оголил» бы и кафедры, и факультеты.

В первой половине 60-х гг., когда только «запускался» механизм предстоявших преобразований, кадровая проблема стояла еще острее. Оттого-то улучшения в организации образовательной

деятельности студентов происходили натужно и медленно и намеченные уставом изменения в учебных планах факультетов были едва различимы [29, с. 258, 263, 266].

Обратимся к уникальным свидетельствам, приведенным авторами «Истории Московского университета». На страницах своего труда они поместили учебные планы трех факультетов Московского университета: историко-филологического, юридического и физико-математического, принятые для организации занятий в 1864/1865 учебном году.

На первом курсе историко-филологического факультета изучались восемь предметов: греческая словесность (2)¹¹, греческий язык (2), латинский язык (6), история общей литературы (1), история древней русской литературы (2), история народной поэзии (2), статистика (2), богословские науки (3). Всего в неделю на оба семестра было запланировано по 20 часов аудиторных занятий.

Как видно из приведенной информации, на изучение «классических» языков отводилось 50 процентов учебных часов, на филологическую подготовку – 25, на общественные дисциплины (в данном случае – статистику) – 10, на богословие – 15 [29, с. 264].

На втором курсе еженедельная нагрузка студентов возрастала до тридцати часов в каждом семестре. Учебный план включал следующие дисциплины: греческая словесность (2), греческий язык (2), латинский язык (4), историю общей литературы (1), историю русской народной поэзии (1), историю новой русской литературы (2), славянские наречия (5), русскую историю (2), всеобщую историю (4), статистику (2), политическую экономию (2), логику и философскую пропедевтику (2).

На втором году обучения, таким образом, программа заметно усложнялась: начинали изучаться исторические науки, общественные дисциплины становились разнообразнее и сложнее.

Недельная нагрузка в каждом семестре для студентов третьего курса также составляла 30 часов. Кроме греческого языка (4), начиналось изучение истории греческой литературы (1); по-прежнему профилирующий предмет – латинский язык (5) – дополнялся историей римской литературы (1). Впервые с начала обучения в университете студентам предлагался греко-латинский семинарий (2), предназначенный для «толкования авторов» [2, гл. II. Отд. II, § 13.2 и 3], то есть комментированного анализа выдающихся произ-

ведений античного наследия. Филологическая направленность обучения подчеркивалась изучением славянских наречий (5), историей общей литературы (1), историей новой русской литературы (2). К историческим дисциплинам, преподававшимся и на втором курсе: русской истории (2) и всеобщей истории (4) – прибавлялось изучение истории Средней Европы (1). Из общественных дисциплин вводилась история философии (2).

На четвертом курсе выпускники историко-филологического факультета изучали всего 10 предметов. Их недельная нагрузка не превышала двадцати семи часов аудиторных занятий. В учебный план включали греческий язык (4), историю греческой литературы (1), латинский язык (5), греко-латинский семинарий (2), славянские наречия (5), историю общей литературы (1), историю новой русской литературы (2), историю Средней Европы (1), русскую историю (4), историю философии (2).

Предусмотренные уставом новые направления обучения студентов: психология, сравнительная грамматика индоевропейских языков, история славянских литератур, теория и история искусств – в учебном плане отсутствуют. В то же время на историко-филологическом факультете – и в этом заключалось его преимущество перед юридическим и физико-математическим – в процесс обучения были введены «семинарии». Хотя они были подчинены исключительно решению задач классического образования, все же сам факт их появления в расписании занятий свидетельствовал о зарождении новых методов обучения универсантов. Семинарии были предназначены не для оттачивания репродуктивных навыков студентов, а для формирования и развития навыков их самостоятельной исследовательской деятельности.

Поступившие на юридический факультет студенты находились в более привлекательном положении по сравнению со «словесниками», как тогда называли учащихся историко-филологических факультетов: их программа обучения не отличалась разнообразием научных дисциплин, поэтому и недельная нагрузка была щадящей. Если на первом курсе у студентов было 20 часов обязательных занятий в неделю, то на втором – уже только 17. На третьем курсе недельную нагрузку доводили до тридцати часов в первом семестре и до двадцати пяти – во втором. Но на четвертом году обучения объем учебных

занятий снижали до пятнадцати часов в осеннем полугодии и до десяти – в весеннем.

Такая необременительная для студентов занятость в аудиториях объяснялась, во-первых, тем, что в 1865/1866 академическом году совет Московского университета по ходатайству юридического факультета отменил чтение курсов, которые прежде считались обязательными: русскую словесность, всеобщую и русскую историю, немецкий язык¹². Своеобразным напоминанием об обширном, поистине университетском образовании, которым еще совсем недавно славился этот факультет, был латинский язык, сохраненный на первом году обучения будущих юристов.

Во-вторых, новый учебный план, появившийся после введения устава 1863 г., отличался от предыдущего, главным образом, распределением предметов по отдельным семестрам и усовершенствованием содержания лекций [22, с. 266]. Среди новых предметов нам удалось обнаружить только «общее право», читавшееся на втором курсе в объеме шести часов в неделю, и «судебную медицину», изучавшуюся на третьем году обучения студентов в объеме четырех часов.

Практические занятия не носили строго систематического характера, за исключением курсов по уголовному и гражданскому процессам. К этим наиболее важным для идентификации учащихся именно как студентов университета занятиям добавлялась практиковавшаяся уже с 1855 г. [29, с. 266] система представления будущими юристами письменного реферата при переходе с курса на курс.

Физико-математический факультет Московского университета был разделен на два отделения: математических и естественных наук, поэтому и недельная аудиторная занятость студентов этих отделений, и перечень дисциплин, предлагавшихся им для изучения учебным планом, были различны. К примеру, на первом курсе математического отделения загруженность студента в неделю составляла 19 часов, а на естественном – 24 часа; на втором курсе ситуация изменялась: у «математиков» было 17 аудиторных часов, у «естественников» – 14. Обязательными для студентов обоих отделений первого года обучения были, кроме богословских дисциплин, физика (4), математика (4), французский и немецкий языки (3). На следующем курсе химия и физика слушались студентами обоих отделений, остальные предметы распределялись в соответствии с выбранной ими специализацией. На третьем году обучения обязательными были курсы сельского

хозяйства (3), химии (4), немецкого языка (2). Студенты выпускного курса все предметы, кроме сельского хозяйства (3), изучали отдельно по отделениям [29, с. 258, 259].

Практические занятия – в виде упражнений для «математиков» и занятий в лабораториях и кабинетах для «естественников» – «строго формально были не обязательны и в состав учебного плана не входили» [29, с. 259].

Подвергшаяся значительной перестройке структура медицинского факультета, число кафедр которого возросло с десяти до шестнадцати [2, гл. II. Отд. II. § 16], заметно усложнила процесс обучения студентов, которые приобретали одновременно и теоретическую подготовку (к примеру, по таким дисциплинам, как теоретическая хирургия, теоретическая фармакология, история и энциклопедия медицины), и практические навыки по вновь создававшимся в университетах направлениям обучения (медицинской химии и физики, эмбриологии, гистологии и другим). Учебный день студентов-«медиков», в особенности на старших курсах, отличался большой напряженностью. Начиная занятия в университетских аудиториях в восемь часов утра, они завершали их поздно вечером в лабораториях, кабинетах, факультетских клиниках¹³. Только на государственные экзамены медицинского факультета выносился 21 предмет [29, с. 263]. Эта астрономическая цифра позволяет представить напряженный график и интенсивный ритм подготовки нового поколения врачей в пореформенной России.

Итак, устав наметил способы улучшения университетского образования, один из которых состоял в корректировке учебных планов и программ в соответствии с достигнутыми ко второй половине XIX в. научными достижениями. Однако недостаток государственного финансирования и дефицит профессорско-преподавательских кадров сковывали возможности и темпы преобразований, наметившихся в образовательной деятельности на факультетах [10, № 2, с. 108].

Важное место в новом университетском уставе отводилось мерам, направленным на «возвышение научного уровня учащихся» [22, с. 122], что, без сомнения, может свидетельствовать о появлении намерений поставить под контроль качество предлагавшихся в университетских центрах образовательных услуг. Рассмотрим, какие меры законодательного характера могли способствовать решению задачи повышения качест-

ва научной и профессиональной подготовки студенческой молодежи.

В уставе 1863 г. впервые прозвучала мысль о зависимости результатов обучения в университете от степени зрелости абитуриентов. Логическим ее выражением явилось установление нижней возрастной границы для юношей, изъявлявших готовность получить высшее образование, – 17 лет [2, гл. VIII. Отд. I, § 85: «В студенты университета принимаются молодые люди, достигшие семнадцатилетнего возраста...»]. Прежде в аудиториях можно было встретить и пятнадцатилетних юнцов [5, с. 182; 9, с. 173]¹⁴, часть из которых еще не имела устойчивой мотивации к получению высшего научного образования и к тому же испытывала психологические проблемы при общении с более взрослыми сокурсниками.

Вторым неперенным условием приобщения к академическому процессу устав называл наличие у кандидата в универсанты успехов в овладении «полным гимназическим курсом» [2, гл. VIII. Отд. I, § 85].

На необходимость усилить требования к гимназистам на приемных испытаниях в университет указывал сам А. В. Головин, изучив свидетельства поступивших к нему из учебных округов отчетов. По мнению министра, «в число университетских слушателей принимаемы были молодые люди, не имевшие надлежащей научной зрелости и подготовки» [10, № 2, с. 104], и это обстоятельство вынуждало профессоров «обращаться... в гимназических преподавателей», забывая о главном своем предназначении: быть исследователями и пропагандистами новых научных достижений.

В то же время университеты уже с 1861 г. «прекратили производство приемных испытаний» [22, с. 123]. Вся ответственность за подготовку абитуриентов и новый набор в «рассадники науки» была перенесена в гимназии. Это явилось следствием увеличившегося потока абитуриентов, с одной стороны, и слабой осведомленности профессоров-экзаменаторов с программой гимназического обучения – с другой. Для того чтобы избежать излишнего пристрастия профессоров во время вступительных экзаменов, или, напротив, их чрезмерной снисходительности, позволявшей зачислять в состав студентов лиц, не подготовленных «к слушанию университетских лекций», университеты предоставили самим гимназиям решать, кто достоин обучаться в «храмах науки».

Для того чтобы проинспектировать добросовестное выполнение гимназическими преподавателями возложенных на них обязанностей, совет университета сохранил за собой право, когда считал это нужным, дополнительно проверять «степень знаний» абитуриентов на основании «особых правил», составленных советом и утвержденных попечителем [2, гл. V. Отд. I, § 42. Б. 8, б; гл. VIII. Отд. I, § 85].

К числу достойных получать высшее научное образование принадлежали лучшие выпускники гимназий, которых зачисляли в университет без дополнительной проверки – прямо по итогам их успеваемости. Лица, получившие домашнее образование, а также закончившие частные или ведомственные средние учебные заведения, должны были пройти аттестационные испытания в одной из гимназий и получить свидетельство об уровне подготовки по предметам гимназического курса [2, § 85, 86]. Те из них, «которые не обучались каким-либо предметам, входящим в гимназический курс, [были] обязаны выдержать из сих предметов предварительное испытание в гимназии» [2, § 86]¹⁵.

Порядок приема воспитанников средних учебных заведений ведомственного характера пояснялся в особых распоряжениях министерства. Так, в соответствии с циркуляром от 22 августа 1863 г., действовавшим до ноября 1879 г., выпускники духовных семинарий, успешно окончившие «курс», принимались в университет без экзамена. Воспитанники военно-учебных заведений по циркуляру от 4 мая 1864 г. подвергались испытаниям по всем предметам гимназического курса [21, с. 426, 502].

Таким образом, если устав 1835 г. [2, гл. V. Отд. III, § 91] требовал проведения вступительных экзаменов в университете и допускал освобождение от них только тех выпускников гимназий, которые успешно окончили полный курс и снискали расположение начальства учебного округа, то новое университетское законодательство облегчило правила приема абитуриентов. Это можно было бы считать его огромным преимуществом, если бы не одно существенное препятствие, которое неожиданно появилось на пути «недостаточных», то есть неимущих или малоимущих молодых людей. В начале 60-х XIX в. в университетах исчез институт «казеннокоштных студентов» [26, с. 416, 419], то есть государство сняло с себя обязательства и ответственность за содержание наименее обеспеченных представителей учащейся молодежи. Отныне каждый сту-

дент обязан был содержать себя сам. Если и раньше немало студентов принадлежало к нуждавшимся (П. Н. Милюков считает, что их было большинство), то теперь «это большинство еще увеличилось, по мере прилива в университет молодежи из духовенства и податных сословий» [34, с. 794].

В начале 70-х гг., например, в Казанском университете только 28 процентов студентов могли существовать на своих средства. В Киевском университете от шестидесяти до семидесяти процентов студентов относилось к «недостаточным». В Одессе количество необеспеченных доходило до восьмидесяти процентов [34, с. 794]. Даже в С.-Петербурге, где традиционно сохранялся дворянско-чиновничий состав студенчества, половину студенческой массы составляла малообеспеченная, подчас бедствующая молодежь [37, с. 16].

Нуждавшиеся в средствах существования юноши не могли регулярно посещать занятия. Это отражалось на их успеваемости и приводило к большим отсевам¹⁶, поэтому резкого увеличения числа студентов, даже при создании более благоприятных условий поступления в университет, не произошло.

Тем не менее, устав не запрещал получать высшее образование детям крестьян и беднейших городских слоев, так как в университет разрешалось принимать юношей из любых сословий [2, § 85]. Прием студентов производился один раз в год, накануне начала академических занятий, которые возобновлялись после летних каникул 15 августа [2, гл. VIII, § 87, 92].

Прошения о зачислении в университет подавались лично ректору, так как он был обязан знать первокурсников в лицо. После рукопожатия ректор беседовал с абитуриентом, что позволяло не только выявить его намерения и интересы, но и установить общий уровень подготовки, требовавшийся для обучения в университете. Если эта беседа не удовлетворяла ректора своими результатами, то он мог подвергнуть незадачливого юношу «новому испытанию», ради «поверки степени знаний», руководствуясь восьмидесятым параграфом университетского устава.

Полный курс обучения составлял четыре года (на медицинском факультете – пять лет) [2, § 91]. Студенты, выдержавшие по окончании обучения все академические испытания на отлично и представившие одобренную факультетом диссертацию, удостоивались степени кандидата. Все прочие после итоговых испытаний вводились в за-

ние «действительного студента» [2, § 94; гл. IX, § 111]. Это же звание получал и студент-отличник, если его диссертация не заслужила одобрения факультетского собрания (там же).

Во время обучения со студентов взималась плата: в столичных университетах – пятьдесят рублей в год, в остальных – сорок рублей [2, гл. VIII. Отд. IV, § 105]. «Недостаточным» студентам, по усмотрению университета, предоставлялись отсрочки в платежах, пятидесятипроцентное или полное освобождение от платы за обучение [2, § 107]. Для получения этих льгот требовалось два условия: наличие «свидетельства о бедности» и успешность занятий [2, § 107].

Требования к качеству знаний не были унифицированы, поэтому «успешность занятий» оценивалась по-разному. По правилам Московского университета для полного освобождения от платы требовалось получить на годичном испытании в среднем не менее четырех с половиной балла, для сокращения платы наполовину – не менее четырех, для отсрочки платежа – не менее трех с половиной. Студенты, получившие менее четырех баллов или не сдавшие какой-нибудь экзамен, лишались права на единовременную стипендию, как и те, кто вел себя «непохвально» [2, гл. VIII. Отд. II, § 98]. В Казанском университете право на пособия и стипендии, как и на освобождение от платы, получали только те студенты, которые хотя бы на половине экзаменов удостоились высшей оценки («весьма удовлетворительно») и отличились в письменных работах или практических занятиях. Менее строгими были требования Харьковского университета, где студенту достаточно было получить на курсовых экзаменах три с половиной балла по главным предметам и три – по дополнительным [45, с. 236, 237].

Плата за «слушание лекций» вносилась вперед «пополугодно». Студенты, не оплатившие свое обучение в течение двух месяцев с начала полугодия, «увольнялись» из университета и возвращались в ряды студенчества только при касации своей задолженности. При переводе из одного университета в другой плата вносилась только единожды – там, где студент приступал к занятиям в начале полугодия [2, § 106].

«Пансионеры Государя Императора и особ Высочайшей фамилии», наряду со стипендиатами университета, частных лиц и обществ, проходили обучение бесплатно [2, (§ 108)], и от них не требовалось предоставление «свидетельства о бедности».

Устав разрешал посещать занятия и посторонним слушателям: учителям, домашним наставникам, чиновникам, медицинским работникам. Они должны были, как и полноправные студенты, подчиняться университетскому начальству, соблюдать составленные советом и утвержденные попечителем правила поведения [2, § 90, 101], а также оплачивать труд преподавателей, на занятиях которых они присутствовали [2, § 105, прим.]. Никаких льгот при получении университетского образования для посторонних слушателей не предусматривалось, а плата «за слушание лекций» с них взималась более высокая, чем со студентов, причем она вносилась «в пользу профессора или преподавателя посещаемых им лекций» [2, § 105, прим.]. В Московском университете за каждый предмет, выбранный ими в полугодии, вносилось по пять рублей, в С.-Петербургском – четыре рубля за предмет, но не более пятидесяти рублей в общей сумме вылат за год [45, с. 237].

Контроль «над занятиями студентов» относился к разряду мер, подпадавших под определение «принудительное обучение». Министерство народного просвещения, как и профессора, не имея четкой позиции по вопросу о разумном соотношении свободного и контролируемого обучения, что выяснилось в ходе дискуссий о принятии нового университетского устава, предложили отдать на откуп каждому университету выбор того «способа контроля, который советом... с утверждения попечителя по педагогическим соображениям и местным условиям признан будет наиболее удобным и действительным» [2, § 99]. Параграф 98 называл контроль необходимостью и предлагал его использовать только в том случае, если «недостаточный студент» претендует на получение пособий и стипендий, то есть разрабатчики устава приобщали контроль к средствам поощрения студентов к занятиям науками.

Однако постепенно, как отмечает Р. Г. Эймонтова, контроль над занятиями студентов начал усиливаться. Почти все университеты вернулись к проведению ежегодных переводных экзаменов, от которых за несколько лет до 1863 г. отказались. В С.-Петербургском университете такие экзамены устанавливались только для лиц, пользующихся стипендиями и льготами, в Московском и Харьковском – для всех без исключения¹⁷. Казанский университет сверх курсовых экзаменов ввел в практику полугодичные «репетиции», которые могли заменяться представлением письменных работ или практическими занятиями.

Только в Киевском университете сохранился прежний порядок: мерами контроля здесь признавались не экзамены, а практические занятия и сочинения; выпускные экзамены сдавались в два срока: после двух лет обучения и на последнем курсе [45, с. 236].

Попытки университетского руководства поставить под контроль академический процесс ограничивались тремя условиями: материальной необеспеченностью большинства студентов; их формальным отношением к выполнению учебных обязанностей, что, в свою очередь, объяснялось «слабым научным интересом», и «невысоким – в среднем – уровнем научности... в среде представителей науки» [34, с. 794].

Несмотря на большое распространение государственных и частных стипендий, предоставление льгот и отсрочек во взносах платы за обучение, все более демократизировавшееся студенчество¹⁸ испытывало огромную потребность в материальных средствах, необходимых для осуществления учебной деятельности и удовлетворения хотя бы самых насущных потребностей. Стипендии, выделявшиеся студентам, предназначались исключительно на учебу, а потому полностью, во всем объеме, вносились в университетскую кассу. Никаких денег на руки студентам не выдавалось, поэтому проблемы жилья и самообеспечения им приходилось решать самостоятельно¹⁹.

Что касается льгот при оплате за образовательные услуги, то в них стало нуждаться все большее количество универсантов. Их число возросло с сорока девяти процентов (в 1866 г.) до семидесяти восьми процентов (в 1874 г.) [34, с. 794]²⁰. При таких условиях, сетует П. Н. Миллюков, добывание средств к существованию, помимо других причин, не могло не мешать «аккуратному посещению лекций» [34, с. 794].

Сам характер преподавания, где лекционные занятия преобладали над «семинариями» и «практикумами», не всегда превращал посещение лекций в безусловную необходимость для студентов. При сохранившейся многопредметности, лишь слегка подправленной введением обязательных и факультативных предметов [10, № 2, с. 105, 106], и диктовавшейся уставом обязательности программы обучения, проверка усвоения которой осуществлялась во время итоговых испытаний на звание действительного студента и степень кандидата [2, гл. IX, § 112], уделить одинаково пристальное внимание всем предметам учебного цикла было, как правило, и невозможно, и несовмес-

тимо с самостоятельными занятиями и интересами наиболее серьезной части слушателей. Адаптируя создавшуюся ситуацию к своим возможностям и потребностям, студенты Императорских университетов изобрели «абсентеизм» – систематические пропуски лекций. «Абсентеизм» сделался обычным явлением, «молчаливо признанным университетским начальством, несмотря на постоянное возобновление попытки формальной борьбы с ним» [34, с. 794].

Безуспешной была также и другая попытка университетского начальства наладить дисциплину на факультетах – запрещение использования литографированных лекций профессоров²¹, по которым студенты готовились к экзаменам. Для обремененных заботой заработка на хлеб насущный и крышу над головой юношей литографированные «записки» стали «фактически естественным исходом», дававшим возможность изучать предмет, не посещая лекций. При чтении профессорами из года в год одних и тех же раз и навсегда составленных курсов возможности приобретения таких «записок» и вместе с ними – положительных оценок на экзаменах заметно облегчались. «Результатом молчаливого соглашения обеих сторон, упрощавших таким образом свой труд, – отмечал П. Н. Миллюков, – являлся более или менее упрощенный экзамен [34, с. 794]²². Одиночные попытки поднять формальные требования экзамена почти всегда приводили к столкновениям с экзаменуемыми...» [34, с. 794].

Важными стимулами, поощрявшими студентов к «ученым занятиям», устав называл практику присуждения им золотых и серебряных медалей, а также почетных отзывов за лучшие исследовательские работы [2, гл. VIII. Отд. II, § 96].

Каждый год факультеты были обязаны предлагать «задачи», то есть формулировать темы для самостоятельных студенческих исследований, не лишенных интереса и для науки. Удостоенные медалей и почетных отзывов выпускники получали степень кандидата без представления диссертаций [2, гл. VIII. Отд. II, § 94, прим.; гл. IX, § 111]. Они могли быть оставлены при университете для «приготовления к профессорскому званию», как и те из выпускников, чьи «курсовые сочинения» соответствовали «кандидатским рассуждениям» и получали высокую оценку профессионального сообщества [20, с. 471]²³.

Сочинения, удостоенные золотых медалей, опубликовывались на средства университета [2, § 97]. Студенты из малообеспеченных семей, с

успехом занимавшиеся наукой, могли быть поощрены единовременными стипендиями и пособиями, «в таких размерах и на такие сроки, как совет это найдет возможным» [2, § 98]. Однако при «неодобрительном» поведении номинантов выдачи пособий и стипендий прекращались [2, § 98].

Стипендии считались самым эффективным средством повышения заинтересованности «недостаточных» студентов к занятию науками. Вопрос о выплате постоянных стипендий находился в ведении Министерства народного просвещения²⁴. «Стипендиальный фонд» мог пополняться пожертвованиями частных лиц (заинтересованных в распространении высшего образования или стремившихся увековечить через денежные выплаты память об известных лицах и памятных событиях), а также сторонних ведомств, нуждавшихся в подготовке нужных им специалистов для решения своих узкопрофессиональных задач²⁵. Стипендия в среднем составляла 198 рублей 20 копеек (в год). Всего на университеты выдавалось 590 постоянных стипендий и 50 временных [22, с. 126 и прим.].

Качество студенческих исследовательских проектов определялось многими составляющими: «довузовский» – домашней или гимназической – подготовкой, начитанностью и эрудированностью студента, его отношением к процессу обучения и будущей профессии и т. п. Однако нельзя сбрасывать со счетов и накопление преподавателями университетов дидактического опыта, позволявшего им успешно руководить научной работой воспитанников.

Итак, новый устав предусматривал множество мер, способных поднять уровень отечественного университетского образования. Отталкиваясь от уже имеющихся приобретений и только совершенствуя их, законодатели создавали условия для формирования национальной модели высшего научного образования. Следовательно, отвечая на вопрос, что дала университетская реформа российскому студенчеству, мы делаем вывод: качественно новую организацию академической деятельности, значительно более привлекательные, чем прежде, условия осуществления учебного процесса и приобщения к науке. Те университеты, где отсутствовали условия для реализации студентами их образовательных запросов, превращались в мишени для критики со стороны Министерства народного просвещения, исповедовавшего «гласность» [10, № 1, с. 99; № 6, с. 71, 73], или становились ареной для выражения недовольства учащейся молодежи, стремившейся к

новому актуальному знанию [16, с. 556]. Восстанавливалась в своем значении основная идея университетов – научно-образовательная, о которой на встрече с «бунтующими» в 1861 г. студентами говорил Ф. И. Буслаев: «...не было между студентами и профессорами другой теснейшей связи, кроме научной... и может ли существовать какая-нибудь другая связь?» [12, с. 429].

И приходится только сожалеть, что у многих студентов 60–70-х гг. было другое понимание целей своего пребывания в университете²⁶, и погоня за «приманками» в виде высоких классов чинов в Табели о рангах, изменения социального статуса²⁷, получения возможности поступления на работу «во все ведомства» [40, с. 176] манили их в университетские центры и формировали мотивацию пребывания в них. С этой реальностью были вынуждены считаться члены университетской корпорации, отныне состоявшие только из «учащих», которые недоумевали, почему их воспитанники, которые по Российскому законодательству с 1862 г. называются «учеными»²⁸, не проявляют должного уважения к науке, предпочитая ей «бунтарство».

Библиографический список

1. Июля 26-го 1835 года Высочайше утвержденный общий устав Императорских российских университетов // Соловьев И. М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. – Вып. первый: Университеты до эпохи шестидесятых годов. – СПб., 1914. – С. 37–46.
2. Общий устав Императорских российских университетов // Университетский устав 1863 года. – СПб., 1863. – С. 1–43.
3. Университетский устав 5 ноября 1804 года // Соловьев И. М. Русские университеты в их уставах... – С. 23–36.
4. Штаты Императорских российских университетов // Университетский устав 1863 года. – С. 44–55.
5. Аксаков, К. С. Воспоминания студентства 1832–1835 гг. // Московский университет в воспоминаниях / сост. Ю. Н. Емельянов. – М., 1989. – С. 182–199.
6. Афанасьев, А. Н. Московский университет (1844–1848 гг.) // Московский университет в воспоминаниях... – С. 249–280.
7. Бестужев-Рюмин, К. Н. Воспоминания // Московский университет в воспоминаниях... – С. 360–371.
8. Буслаев, Ф. И. Мои воспоминания / Изд. В. Г. Фон-Бооля. – М., 1897.
9. Вистенгоф, П. Ф. Лермонтов в Московском университете (Из моих воспоминаний) // Московский университет в воспоминаниях... – С. 173–181.

10. Головин, А. В. Записки для немногих // Вопросы истории. – 1997. – № 1. – С. 98–119; № 2. – С. 96–114; № 5. – С. 95–123; № 6. – С. 68–84.
11. Кареев, Н. И. Анекдота (Кое-что из «неизданного» о профессорах А. Ф. Кони) // Московский университет в воспоминаниях... – С. 450–457.
12. Ключевский, В. О. Московский университет в письмах и записках // Московский университет в воспоминаниях... – С. 420–435.
13. Ключевский, В. О. С. М. Соловьев как преподаватель // Московский университет в воспоминаниях... – С. 351–359.
14. Ключевский, В. О. Ф. И. Буслаев как преподаватель и исследователь // Московский университет в воспоминаниях... С. 223–229.
15. Ковалевский, М. М. Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века (Личные воспоминания) // Московский университет в воспоминаниях... – С. 484–506.
16. Никитенко, А. В. Дневник: в 3 т. – Т. 2. – 1858–1865. – М., 1955.
17. Феоктистов, Е. М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848–1896 / под ред. Ю. Г. Оксмана. – Л., 1929.
18. Чичерин, Б. Н. Воспоминания. Московский университет / под ред. С. В. Бахрушина, М. А. Цявловского. – М., 1929.
19. Чичерин, Б. Н. Студенческие годы. Москва сороковых годов // Московский университет в воспоминаниях... – С. 372–417.
20. Янжул, И. И. О пережитом и виденном... // Московский университет в воспоминаниях... – С. 458–475; Кэссоу С. Д. Университетский устав 1863 г. : новая точка зрения // Великие реформы в России. 1856–1874 / под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. – М., 1992.
21. Рождественский, С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. – СПб., 1902.
22. Университетский устав 1863 года. – СПб., 1863.
23. Ашевский, С. Русское студенчество в эпоху шестидесятых годов (1855–1863) // Современный мир: Ежемесячный литературный, научный и политический журнал. – СПб., 1907. – Октябрь. – С. 48–74.
24. Ашевский, С. Указ. соч. // Современный мир. – СПб., 1907. – Ноябрь. – С. 108–134.
25. Бастракова, М. С., Павлова Г. Е. Наука: «научные средства» и «научные силы» // Очерки русской культуры XIX века: в 6 т. – Т. 3. Культурный потенциал общества. – М., 2001. – С. 252–307.
26. Бокова, В. М. Повседневная жизнь Москвы в XIX веке. – М., 2010.
27. Бороздин, И. Н. Университеты в России в эпоху 60-х годов // История России в XIX веке. Эпоха реформ. – М., 2001. – С. 376–401.
28. Бутягин, А. С., Салтанов Ю. А. Университетское образование в СССР. – М., 1957.
29. История Московского университета : в 2 т. / под ред. М. Н. Тихомирова. – М., 1955. – Т. 1.
30. Камоско, Л. В. Изменение сословного состава учащихся средней и высшей школы России (30–80-е годы XIX в.) // ВИ. – 1970. – № 10. – Октябрь. – С. 203–207.
31. Капнист, П. Университетские вопросы // Вестник Европы: Журнал истории, политики, литературы. – СПб., 1903. – Т. VI. – С. 167–218.
32. Котов, А. Э. «Дело профессора Любимова»: власть и общество в борьбе за университет // Университетский научный журнал. – СПб., 2012. – № 2. – С. 63–76.
33. Кэссоу, С. Д. Университетский устав 1863 г.: новая точка зрения // Великие реформы в России. 1856–1874 / под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. – М., 1992. – С. 317–334.
34. Милуков, П. Университет // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. – СПб., 1902. – Т. XXXIV^A. – С. 751–803.
35. Новиков, М. В., Перфилова Т. Б. Университетский устав 1863 года: пределы академического самоуправления // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 4. – С. 18–31.
36. Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Проблемы российских университетов в общественно-политической полемике начала 60-х гг. XIX в. // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 3. – С. 17–35.
37. Олесич, Н. Я. Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. – СПб., 1999.
38. Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры / под ред. Е. В. Олесюка. – Режим доступа: URL. <http://www.lexed.ru/pravo/theory/olesek2006/?33.html>.
39. Петров, Ф. А., Гутнов, Д. А. Российские университеты // Очерки русской культуры XIX века. – Т. 3. Культурный потенциал общества. – М., 2001. – С. 124–199.
40. Соболева, Е. В. Организация науки в пореформенной России. – Л., 1983.
41. Стаферова, Е. Л. Во главе «центральной канцелярии прогресса»: Александр Васильевич Головин // Очерки по истории российского образования: К 200-летию Министерства образования Российской Федерации: в 3 т. – Т. 2. – М., 2002. – С. 7–34.
42. Трубецкой, С. Университет и студенчество // Русская мысль: Ежемесячное литературно-политическое издание. – М., 1897. – Кн. IV. – С. 181–203.
43. Хотеевков, В. Ф. «Лжегосударственный человек»: Граф Дмитрий Андреевич Толстой // Очерки истории российского образования. – Т. 2. – С. 35–74.
44. Щетинина, Г. И. Университеты России и устав 1884 г. – М., 1976.
45. Эймонтова, Р. Г. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. – М., 1993.

46. Эймонтова, Р. Г. Университетская реформа 1863 г. // Исторические записки / отв. ред. А. Л. Сидоров. – М., 1961. – С. 163–196.

47. Днепров, Э. Д. Образование и политика: в 2-х т. Т. 1. – М., 2006.

48. Высшее образование в России: Очерки истории до 1917 года / под ред. В. Г. Кинелева. – М., 1995.

49. Лейкина-Свирская, В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. – М., 1971.

Bibliograficheskii spisok

1. Iulia 26-go 1835 goda Vysochaishe utverzhdennyi obshchii ustav Imperatorskikh rossiiskikh universitetov // Solov'ev I. M. Russkie universitety v ikh ustavakh i vospominaniakh sovremennikov. – Вып. pervyi: Universitety do epokhi shestidesiatykh godov. – SPb., 1914. – С. 37–46.

2. Obshchii ustav Imperatorskikh rossiiskikh universitetov // Universitetskii ustav 1863 goda. – SPb., 1863. – С. 1–43.

3. Universitetskii ustav 5 noiabria 1804 goda // Solov'ev I. M. Russkie universitety v ikh ustavakh... – С. 23–36.

4. Shtaty Imperatorskikh rossiiskikh universitetov // Universitetskii ustav 1863 goda. – С. 44–55.

5. Aksakov, K. S. Vospominaniia studentstva 1832–1835 gg. // Moskovskii universitet v vospominaniakh / sost. Iu. N. Emel'ianov. – М., 1989. – С. 182–199.

6. Afanas'ev, A. N. Moskovskii universitet (1844–1848 gg.) // Moskovskii universitet v vospominaniakh... – С. 249–280.

7. Bestuzhev-Riumin, K. N. Vospominaniia // Moskovskii universitet v vospominaniakh... – С. 360–371.

8. Buslaev, F. I. Moi vospominaniia / Izd. V. G. Fon-Boolia. – М., 1897.

9. Vistengof, P. F. Lermontov v Moskovskom universitete (Iz moikh vospominanii) // Moskovskii universitet v vospominaniakh... – С. 173–181.

10. Golovnin, A. V. Zapiski dlia nemnogikh // Voprosy istorii. – 1997. – № 1. – С. 98–119; № 2. – С. 96–114; № 5. – С. 95–123; № 6. – С. 68–84.

11. Kareev, N. I. Anekdoty (Koehto iz «neizdannogo» o professorakh A. F. Koni) // Moskovskii universitet v vospominaniakh... – С. 450–457.

12. Kliuchevskii, V. O. Moskovskii universitet v pis'makh i zapiskakh // Moskovskii universitet v vospominaniakh... – С. 420–435.

13. Kliuchevskii, V. O. S. M. Solov'ev kak prepodavatel' // Moskovskii universitet v vospominaniakh... – С. 351–359.

14. Kliuchevskii, V. O. F. I. Buslaev kak prepodavatel' i issledovatel' // Moskovskii universitet v vospominaniakh... – С. 223–229.

15. Kovalevskii, M. M. Moskovskii universitet v kontse 70-kh i nachale 80-kh godov proshlogo veka (Lichnye vospominaniia) // Moskovskii universitet v vospominaniakh... – С. 484–506.

16. Nikitenko, A. V. Dnevnik: v 3 t. – Т. 2. – 1858–1865. – М., 1955.

17. Feoktistov, E. M. Vospominaniia. Za kulisami politiki i literatury. 1848–1896 / pod red. Iu. G. Oksmana. – L., 1929.

18. Chicherin, B. N. Vospominaniia. Moskovskii universitet / pod red. S. V. Bakhrushina, M. A. Tsiavlovskogo. – М., 1929.

19. Chicherin, B. N. Studencheskie gody. Moskva sorokovykh godov // Moskovskii universitet v vospominaniakh... – С. 372–417.

20. Ianzhul, I. I. O perezhitom i vidennom... // Moskovskii universitet v vospominaniakh... – С. 458–475; Kessou S. D. Universitetskii ustav 1863 g. : novaia tochka zreniia // Velikie reformy v Rossii. 1856–1874 / pod red. L. G. Zakharovoi, B. Eklofa, Dzh. Bushnella. – М., 1992.

21. Rozhdestvenskii, S. V. Istoricheskie obzory deiatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniia. 1802–1902. – SPb., 1902.

22. Universitetskii ustav 1863 goda. – SPb., 1863.

23. Ashevskii, S. Russkoe studenchestvo v epokhu shestidesiatykh godov (1855–1863) // Sovremennyi mir: Ezhemesiachnyi literaturnyi, nauchnyi i politicheskii zhurnal. – SPb., 1907. – Oktiabr'. – С. 48–74.

24. Ashevskii, S. Ukaz. soch. // Sovremennyi mir. – SPb., 1907. – Noiabr'. – С. 108–134.

25. Bastrakova, M. S., Pavlova G. E. Nauka: «nauchnye sredstva» i «nauchnye sily» // Ocherki russkoi kultury XIX veka: v 6 t. – Т. 3. Kul'turnyi potentsial obshchestva. – М., 2001. – С. 252–307.

26. Bokova, V. M. Povsednevnaia zhizn' Moskvy v XIX veke. – М., 2010.

27. Borozdin, I. N. Universitety v Rossii v epokhu 60-kh godov // Istoriia Rossii v XIX veke. Epokha reform. – М., 2001. – С. 376–401.

28. Butiagin, A. S., Saltanov Iu. A. Universitetskoe obrazovanie v SSSR. – М., 1957.

29. Istoriia Moskovskogo universiteta : v 2 t. / pod red. M. N. Tikhomirova. – М., 1955. – Т. 1.

30. Kamosko, L. V. Izmenenie soslovnogo sostava uchashchikhsia srednei i vysshei shkoly Rossii (30–80-e gody XIX v.) // VI. – 1970. – № 10. – Oktiabr'. – С. 203–207.

31. Kapnist, P. Universitetskie voprosy // Vestnik Evropy: Zhurnal istorii, politiki, literatury. – SPb., 1903. – Т. VI. – С. 167–218.

32. Kotov, A. E. «Delo professora Liubimova»: vlast' i obshchestvo v bor'be za universitet // Universitetskii nauchnyi zhurnal. – SPb., 2012. – № 2. – С. 63–76.

33. Kessou, S. D. Universitetskii ustav 1863 g.: novaia tochka zreniia // Velikie reformy v Rossii. 1856–1874 / pod red. L. G. Zakharovoi, B. Eklofa, Dzh. Bushnella. – М., 1992. – С. 317–334.

34. Miliukov, P. Universitet // Brokgauz F. A., Efron I. A. Entsiklopedicheskii slovar'. – SPb., 1902. – Т. XXXIVA. – С. 751–803.

35. Novikov, M. V., Perfilova T. B. Universitetskii ustav 1863 goda: predely akademicheskogo samouprav-

leniia // *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. – 2013. – № 4. – S. 18–31.

36. Novikov, M. V., Perfilova, T. B. Problemy rossiiskikh universitetov v obshchestvenno-politicheskoi polemike nachala 60-kh gg. XIX v. // *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. – 2013. – № 3. – S. 17–35.

37. Olesich, N. Ia. *Gospodin student Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta*. – SPb., 1999.

38. *Otechestvennye universitety v dinamike zolotogo veka russkoi kul'tury / pod red. E. V. Oleseiuka*. – Rezhim dostupa: URL. <http://www.lexed.ru/pravo/theory/olesek2006/?33.html>.

39. Petrov, F. A., Gutnov, D. A. Rossiiskie universitety // *Ocherki russkoi kul'tury XIX veka*. – Т. 3. *Kul'turnyi potentsial obshchestva*. – М., 2001. – S. 124–199.

40. Soboleva, E. V. *Organizatsiia nauki v poreformennoi Rossii*. – L., 1983.

41. Staferova, E. L. Vo glave «tsestral'noi kantseliarii progressa»: Aleksandr Vasil'evich Golovnin // *Ocherki po istorii rossiiskogo obrazovaniia: K 200-letiiu Ministerstva obrazovaniia Rossiiskoi Federatsii: v 3 t.* – Т. 2. – М., 2002. – S. 7–34.

42. Trubetskoi, S. *Universitet i studenchestvo // Russkaia mysl': Ezhemesiachnoe literaturno-politicheskoe izdanie*. – М., 1897. – Kn. IV. – S. 181–203.

43. Khotenkov, V. F. «Lzhegosudarstvennyi chelovek»: Graf Dmitrii Andreevich Tolstoi // *Ocherki istorii rossiiskogo obrazovaniia*. – Т. 2. – S. 35–74.

44. Shchetinina, G. I. *Universitety Rossii i ustav 1884 g.* – М., 1976.

45. Eimontova, R. G. *Russkie universitety na putiakh reformy: shestidesiatye gody XIX veka*. – М., 1993.

46. Eimontova, R. G. *Universitetskaia reforma 1863 g. // Istoricheskie zapiski / otv. red. A. L. Sidorov*. – М., 1961. – S. 163–196.

47. Dneprov, E. D. *Obrazovanie i politika: v 2-kh t.* Т. 1. – М., 2006.

48. *Vysshee obrazovanie v Rossii: Ocherki istorii do 1917 goda / pod red. V. G. Kineleva*. – М., 1995.

49. Leikina-Svirskaiia, V. R. *Intellegentsiia v Rossii vo vtoroi polovine XIX veka*. – М., 1971.

¹ Б. Н. Чичерин, к примеру, осуждает Н. И. Костомарова, задумавшего произвести «коренные изменения... внутреннего строя» в расшатанных «бунтующими» студентами университетах: «Костомаров написал статью, в которой он доказывал, что университеты должны быть не школами для юношества, а открытыми для публики заведениями... Он восставал и против [их. – М. Н., Т. П.] корпоративного устройства...» [18, с. 52].

² А. В. Никитенко, член совета С.-Петербургского университета, в своем «Дневнике» отмечал, что студенческие правила «составлены почти буквально по его [Головнина. – М. Н., Т. П.] циркуляру» [16, с. 388, 389].

На студентов столичного университета они поначалу не произвели никакого впечатления: обрадованные возобновлением занятий после длительного их запрещения (напомним, что по распоряжению Александра II С.-Петербургский

университет был закрыт 20 декабря 1861 г.) юноши вели себя «тихо», усердно посещали лекции и не предпринимали «ничего буйного». «Они только поворчали, – вспоминал А. В. Никитенко, – на запрещение курить папиросы, но, поскольку им известно, что никакой закон у нас не крепок, то просто без шума и агитаций начали курить сперва на улице около университета, а потом и в разных уголках самого университета. Разумеется, – резюмировал он, – начальство смотрит на это сквозь пальцы. Но в таком случае, зачем же запрещать было? Впрочем, совет и хотел позволить, да министр не согласился, а теперь вот и вышло нарушение закона» [16, с. 376].

³ А. В. Никитенко сообщает о возмущении попечителя Казанского университета Ф. Ф. Стендера и редактора газеты «Голос» А. А. Краевского поведением А. В. Головнина: «Стендер сделал представление министру Головнину с жалобой на газеты, особенно на “Голос”, что они восстанавливают юношество против университета, нападая на составленные им для них правила. Головнин призвал по поводу этого на совещание Краевского и прочитал ему проект ответа своего Стендеру, где он делает ему почти выговор и объявляет, что печать хорошо делает, замечая недостатки управления по Министерству народного просвещения, что он всегда этого желал...». Далее профессор с возмущением восклицает, комментируя данную ситуацию: «Что же такое Головнин этот – подлец или дурак? Он один в своем либерализме не понимает, что брань на студенческие правила вовсе не составляет тех замечаний, которыми могло бы воспользоваться министерство, и что, напротив, она очень вредна, поселяя в молодых людях, и без того слишком своевольных, нерасположение к законам университета, ограничивающим их поведение и произвол» [16, с. 385].

⁴ А. В. Никитенко называет такое поведение А. В. Головнина «непостижимым», обвиняет его в «тупоумии и подлости»: «Правила составлены почти буквально по его циркуляру, а между тем он велит писать на них опровержения, сам исправляет их, делает строгий выговор казанскому попечителю за то, что тот донес ему о вредных действиях, производимых этими статьями на студентов. Что это такое: тупоумие, подлость ли или еще что-нибудь другое? Между тем он представляет все действия перед государем в благовидном свете» [16, с. 388, 389].

Престарелый профессор не мог даже и представить, насколько каверзным был план, созревший в изворотливом уме А. В. Головнина. Он решил руководить оппозиционной прессой при помощи изобретенной им политики «управляемых дискуссий». Дозированно пропуская в печать «вредные мнения», то есть острые публикации на злободневные темы, он тут же подготавливал «громкие опровержения», выбирая для этого самые популярные газеты. С их помощью он разъяснял «истинный смысл» предпринимавшихся правительством мер. С 1863 г. «официозом» Министерства народного просвещения стала газета А. А. Краевского «Голос», позволявшая А. В. Головнину разъяснять читателям сущность проводившейся его министерством политики. В этой газете нередко подготавливались «управляемые дискуссии», в которых противоположные точки зрения подстрекались самим А. В. Головниным [41, с. 22, 23].

⁵ А. В. Никитенко питал нескрываемое отвращение к главе Министерства народного просвещения. Он называл А. В. Головнина сухим и изворотливым человеком с «умом

мелким и фальшивым», любителем «гимнастики интриг», который «хочет больше думать о своей популярности, чем о правильном направлении дел» [16, с. 249, 256, 265, 307].

О его коварстве и желании любыми средствами снизить себе популярность упоминал и Б. Н. Чичерин [18, с. 55, 192].

Е. М. Феоктистов, работавший в Министерстве народного просвещения под началом А. В. Головнина, писал о своем патроне как о ловком, изворотливом человеке, освоившем «навык к мелким интригам» и использовавшим их ради удовлетворения безмерного честолюбия [17, с. 130, 155].

Очень резкую оценку поведения А. В. Головнина дает К. Д. Кавелин. В его глазах министр выглядел проницательным, бестактным политиком, поднаторевшим в «мазурничестве», готовым много и безнаказанно «пакостить» [17, с. 161, прим. 29].

⁶ Р. Г. Эймонтова сообщает, что «особые правила» не повторяли друг друга текстуально. Но их направление, продиктованное сверху, было единым. Особой строгостью отличались правила Казанского университета. Там за выражение одобрения или порицания преподавателю, а также за предоставление сразу нескольких прошений по одному делу студенты, заподозренные в «неблагоданном сговоре», предавались университетскому суду. Сходки в университетском дворе признавались уличными демонстрациями, которые разрешалось разгонять городской полицией.

В столичных университетах правила для студентов отличались большей рассудительностью. В С.-Петербургском университете учащиеся, получив разрешение инспектора, могли вывешивать объявления. В Первопрестольной студентам было дано право «сообщать о своих нуждах начальству и профессорам, но в приличной форме» [46 с. 236].

⁷ Р. Г. Эймонтова обращает внимание на случаи нарушения «особых правил» в С.-Петербургском и Киевском университетах уже осенью 1863 г.: студенты аплодировали профессорам, много курили в помещениях университета, пытались возродить кассы взаимопомощи и свои библиотеки [46, с. 238].

⁸ Авторы работы «Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры» при негативной в целом оценке устава 1863 г. не обошли вниманием вопрос об управлении учебным процессом в университетах. Проведя сравнение устава 1804 г., который «вообще не предусматривал никаких учебных планов, ни учебных программ, возлагая всю полноту ответственности за содержание и уровень образования на имеющих в наличии профессоров», с уставом 1863 г., они отметили почти единственным его достоинством заметный прогресс в организации учебной деятельности [38, гл. 3.2].

Исправляя авторов этого тенденциозного сочинения, которые стремятся произвести переворот в оценке дореволюционного университетского законодательства, но при этом не всегда утруждают себя тщательным изучением текстов документов, заметим погрешности в предложенных комментариях некоторых положений уставов 1835 и 1863 гг.

Вопреки заявлению о том, что устав 1835 г. относил «утверждение учебных планов и программ к компетенции ученого совета университета», мы вынуждены констатировать, что николаевское университетское законодательство не знало таких понятий, как «ученый совет», «учебные планы и программы». В двадцатом параграфе определены

«предметы занятий факультетских собраний», к числу которых относятся: «полугодичное распределение курсов и времени преподавания наук, принадлежащих к факультетам. Рассмотрение метод преподавания и руководств, избираемых профессорами» [2, гл. II. § 20]. «Предметы и обязанности совета» сводятся, среди прочих, к следующему положению: «Общее соображение о распределении курсов и времени преподавания в университете» [2, гл. II. § 30, № 4].

Нетрудно заметить, что факультеты обладали большими полномочиями в организации учебного процесса, чем советы университетов. Устав 1863 г., по нашему мнению, уравновесил в осуществлении этого права факультеты и советы университетов.

⁹ Напомним, что устав предписывал иметь 11 кафедр «при двенадцати профессорах и семи доцентах» [2, гл. II. Отд. II, § 13].

¹⁰ Расчеты сделаны по статистическим данным, приведенным в монографии Г. И. Щетининой [44, с. 44, 45].

¹¹ Цифры в скобках обозначают число учебных часов в неделю. Название дисциплин дано так же, как в учебных планах.

¹² Б. Н. Чичерин, обучавшийся на юридическом факультете Московского университета во второй половине 40-х гг. XIX в., в своих воспоминаниях сообщил о программе обучения первого курса: «Первый курс был составлен отлично. Редкин читал юридическую энциклопедию, Кавелин – историю русского права, Грановский – всеобщую историю, Шевырев – словесность... Терновский – богословие... Ко всему этому прибавлялся латинский язык...» [19, с. 380].

«Второй курс, – далее продолжает он, – был составлен не хуже первого. Редкин читал государственное право, Чивилев – политическую экономию и статистику, Грановский – историю Средних веков, Соловьев – русскую историю, Катков – логику... Крылов – историю римского права» [19, с. 395]. Автор подчеркивает, что «со вторым курсом кончалось собственно университетское преподавание, которое... способно было руководить студентов в научных занятиях, развивая их ум, доставляя им богатый запас сведений, научая их основательному изучению предмета». Посвященные «специально юридическим наукам... высшие курсы», по его мнению, большей частью «были поставлены крайне слабо» [19, с. 400].

Б. Н. Чичерин упомянул видных историков середины XIX в.: Т. Н. Грановского, С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина – и дал им блестящие характеристики.

Другой известный выпускник Московского университета, историк Н. И. Кареев, – студент 70-х, в своих воспоминаниях о преподавателях юридического факультета, которых он знал не понаслышке (интересуясь юриспруденцией, он, будучи студентом, посещал занятия и на этом факультете), называет только одного профессора историко-филологического факультета – П. Д. Юркевича. Его приглашали читать не исторические науки, а философию права [11, с. 450].

¹³ «Штаты Императорских российских университетов» предусматривали следующие расходы на содержание учебно-вспомогательных подразделений медицинских факультетов: музей физиологической анатомии (по одной тысяче рублей на каждый университет), музей патологической анатомии (по семьсот пятьдесят рублей), гистологический кабинет (по двести пятьдесят рублей), фармацевтическая лаборатория (по пятьсот рублей), фармакологический кабинет

(по сто двадцать рублей), хирургический и офтальмологический кабинет (по шестьсот рублей), акушерский кабинет (по двести пятьдесят рублей), судебно-медицинский кабинет (по сто рублей), факультетские клиники Московского университета (150 кроватей – 14 999 рублей 50 копеек), факультетские клиники Харьковского, Казанского, Киевского университетов (по 25 кроватей – по 10125 рублей каждому), госпитальные клиники (в Московский университет – 1500 рублей, Киевский – 1200 рублей), кабинет факультетской терапевтической клиники (по сто рублей) [4, с. 50–53].

¹⁴ В 1858 г. в шести российских университетах студенты в возрасте 16–18 лет составляли 10 процентов [22, с. 116, прим.].

¹⁵ И. И. Янжул сообщил важную информацию, подтверждающую новые правила поступления в университет. В 1864 г. он завершил обучение в семиклассной Рязанской гимназии «в качестве первого ученика за все время обучения», за что получил право на поступление в университет «без дальнейшей проверки и экзамена, за исключением греческого языка», так как в его родной гимназии из двух «классических» языков изучался только латинский. Это стало главным препятствием для его зачисления на историко-филологический факультет Московского университета, где, как мы помним, греческий и латынь были профилирующими учебными дисциплинами.

Хотя И. И. Янжул самостоятельно изучал язык эллинов, он не нашел в себе смелости пройти испытание на знание этого предмета в Московской гимназии и по договоренности с деканом историко-филологического факультета С. М. Соловьевым поступил на ближайший к историческому юридический факультет, получив право свободного посещения лекций и практических занятий у профессоров-историков и филологов. Экзамен по греческому языку ему было предложено сдать через год, во время переводных (с первого на второй курс) испытаний «словесников». Это позволило бы ему оказаться сразу на втором курсе того факультета, на котором он мечтал заниматься с детства [20, с. 458, 459].

¹⁶ В С.-Петербургском университете за 1871–1874 гг. из ста поступивших студентов окончили университет только 43, в Московском – 33, в Киевском – 53 [44, с. 75].

¹⁷ И. И. Янжул упоминает о курсовых экзаменах, которые проводились в мае. Со второго курса все студенты юридического факультета Московского университета и он, в том числе, помимо устных экзаменов, писали «курсовое сочинение» [20, с. 459, 470, 472].

¹⁸ Л. В. Камоско утверждает, что в 60–80-е гг. шли процессы «оскудения» дворянского сословия и увеличения чиновничества, поэтому в пореформенный период студенчество было в значительной степени «разночинным» [30, с. 204].

По сведениям Н. Я. Олесич, «большинство дворянско-чиновничьего студенчества было детьми мелких чиновников, мелкопоместных дворян или же дворян только по титулам», а в 70-х гг. XIX в. резко возросло количество студентов из духовенства: так, на историко-филологическом факультете С.-Петербургского университета выходцы из духовенства составляли около пятидесяти процентов [37, с. 16, 18].

Дворянскую молодежь больше привлекали юридические факультеты, медицинские, наоборот, были по преимущест-

ву разночинскими. Привилегированная дворянская молодежь поступала в Пажеский корпус, Училище правоведения, Александровский лицей, лицей цесаревича Николая Александровича (Катковский) [44, с. 71, 72].

¹⁹ Эти жесткие условия социализации многих студентов застали врасплох. С ностальгией они вспоминали о казеннокоштных своих предшественниках николаевской поры. Среди этих счастливых был, например, Ф. И. Буслаев, поступивший в Московский университет в 1834 г. К этому времени было введено полное государственное обеспечение казенных студентов, а их содержание увеличено до трехсот пятидесяти рублей в год (в начале XIX в. казеннокоштным полагалось денежное пособие – жалованье – в размере двухсот рублей, помимо бесплатного обучения и спального места в «казенных номерах» самого университета, то есть, по нашему, – в общежитии) [26, с. 416, 417]. Знаменитый филолог спустя многие годы с удовольствием вспоминал свой студенческий быт: «Живя в своих номерах, мы были во всем обеспечены и, не заботясь ни о чем, без копейки в кармане, учились, читали и веселились вдоволь. Нашему удовольствию завидовали многие из своекоштных. Все было казенное, начиная от одежды и книг, рекомендованных профессорами для лекций, и до сальных свечей, писчей бумаги, карандашей, чернил и перьев... Без нашего ведома нам менялось белье, чистилось платье и сапоги, пришивалась недостающая пуговица на вицмундире. В номере помещалось столько студентов, чтобы им было не тесно. У каждого был свой столик...» [8, с. 8].

Студентов сносно кормили, например, на обед подавали щи, лапшу или рассольник, кашу с мясной или овощной подливкой. По праздникам полагалась телятина, пироги, сладости. В пост кормили овощами, на Масленицу пекли блины. За этот студенческий рай надо было платить главным образом добросовестным выполнением режима проживания в «номерах»: «Мы вставали, пишет Ф. И. Буслаев, – в семь часов утра, в восемь пили в столовой чай с булками, а в девять отправлялись на лекции, возвращались в два часа, и в половине третьего обедали, а в восемь ужинали, в одиннадцать ложились спать» [8, с. 10].

Нарушение режима было чревато карцером и даже солдатчиной, но беззаботным студентам, не совершившим серьезных проступков, эти наказания были не страшны: вторую половину дня, свободную от лекций, они проводили в трактире, где могли позволить себе пиво, мадеру, папиросы и пьяные вольности [8, с. 12–17]. Казеннокоштные младших курсов изредка получали из дома «немногие рубли», которые можно было потратить на одежду и книги. На старших курсах, благодаря гонорару от уроков, а если это были «медики», – то и от «практики», студентам удавалось скопить «крупные» суммы, которые позволяли им вести более беззаботную и безолаберную жизнь [8, с. 13].

С отменой системы казеннокоштных воспитанников всем студентам университетов, если они были приезжими, приходилось обременять себя заботой о поиске дешевого наемного жилья. В Москве спекуляция на жилищной проблеме университетов даже привела к появлению особого «Латинского квартала», или Козихи, где им по сходной цене предлагали снять квартиру в доходных домах или частных деревянных строениях. Со временем Козиха полностью подчинилась удовлетворению студенческих потребностей. Здесь появилось множество студенческих пивных и трактиров, мелочных лавочек, где можно было пожить не

только гастрономическими товарами, но и нужными в студенческом быту вещами, к примеру студенческим мундиром или литографированными лекциями. Все можно было приобрести под заклад или в кредит [26, с. 420–422].

²⁰ Л. В. Камоско приводит более точные цифры. В шести русских университетах в 1866 г. обязательных стипендиатов было 13,8%, необязательных – 4,7%, получавших пособия – 9,6%, освобожденных от платы за обучение – 31,4%. В целом, льготами в этом году пользовалось 59,5% студентов. В 1867 г. их стало 63,3%, в 1870 г. – 73,2%, в 1874 г. – 89,3% [30, с. 204].

²¹ О литографированных лекциях сообщают многие студенты Московского университета, например, Н. И. Кареев. Он упоминает о том, что лекции одного из самых известных в 60-е гг. профессоров юридического факультета Н. И. Крылова литографировал С. А. Муромцев, позже ставший профессором того же факультета [11, с. 455, 712].

Б. Н. Чичерин, окончивший этот же факультет двумя десятилетиями раньше, гордился тем, что уже на первом курсе он так научился записывать лекции, что их не нужно было подправлять дома, «и пиисец свободно мог списывать их для товарищей». Он упоминает преподавателя политической экономии и статистики А. И. Чивилева, который читал «по раз и навсегда составленным запискам, которые переходили от одного курса к другому; так что нам не было даже нужды записывать, – замечает он, – мы просто следили за чтением по старым тетрадам» [19, с. 392, 395].

В. О. Ключевский «по поручению курса» словесников составлял лекции С. М. Соловьева и, благодаря отточенной манере профессора читать лекции, он, «как борзописец, мог записывать его чтение слово в слово без всяких стенографических приспособлений» [13, с. 353].

В то же время в Московском университете были профессора, постоянно изменявшие содержание своих лекций, например, специалист в области «науки финансов» Ф. Б. Мильгаузен «обновлял их новыми отделами и экскурсиями в побочные науки, хорошо знакомые профессору», славившемуся «обширной энциклопедичностью и ученостью» [20, с. 467].

«Каждогодно» меняли свои курсы и профессора историко-филологического факультета: С. М. Соловьев и Н. С. Тихонравов [20, с. 461].

²² О заниженных требованиях к экзаменовавшимся студентам неоднократно упоминал И. И. Янжул. «Университетские экзамены, несравненно, в сотни раз, легче и снисходительнее гимназических», – поделился он своими воспоминаниями о сессии на третьем курсе. Аналогичное впечатление сложилось у него и на выпускном курсе: «Университетская оценка успехов ниже всякой критики и отличается такой снисходительностью, о которой средние учебные заведения не знают». Автор гордился своей памятью, благодаря которой ему удавалось, потратив на подготовку к испытаниям всего несколько часов, получать «пятки» по всем предметам [20, с. 470, 472].

Авторы «Истории Московского университета», тем не менее, уверяют нас, что «крупные ученые, представители передовой русской науки, обычно были требовательными экзаменаторами, что еще больше усиливало их авторитет у студенчества», и в качестве примера приводят физика А. Г. Столетова [29, с. 267].

Кстати, уже упоминавшийся Н. И. Крылов – легенда юридического факультета – на экзаменах «был грозой студентов, с которыми не очень церемонился» [11, с. 457].

²³ В завидном положении автора лучшего исследовательского проекта в 1869 г. оказался И. И. Янжул, который на выпускном курсе юридического факультета написал сочинение «Рассуждение о незаконнорожденных». По ходатайству юридического факультета и совета Московского университета 14 октября 1869 г. Иван Янжул [был. – М. Н., Т. П.] оставлен при университете на два года для усовершенствования в науках». Так способный студент, на третьем курсе удостоенный высшей похвалой научного руководителя – правом опубликовать в «Московских университетских известиях» созданное годом раньше сочинение «О торговых путях в Средней Азии», стал профессорским стипендиатом [20, с. 470–475].

В 1866 г. еще более высоких наград: золотой медали, права публикации в «Московских университетских известиях» и научной степени кандидата – было удостоено выпускное сочинение В. О. Ключевского «Сказание иностранцев о Московском государстве». В. О. Ключевский пополнил ряды профессорских стипендиатов по историко-филологическому факультету [15, с. 494; 666, прим. 34].

Их количество в 1860–1870-х гг. на разных факультетах Московского университета колебалось от пяти–шести до десяти–двенадцати человек в год [29, с. 267].

Ежегодно за лучшие студенческие работы в Московском университете выдавались две-три золотые и две-три серебряные медали [29, с. 267].

²⁴ А. В. Головин упомянул, что в 1862 г. Министерство народного просвещения с Высочайшего повеления учредило 4 стипендии по 240 рублей по поводу празднования тысячелетия России в память славянских просветителей Кирилла и Мефодия. Они были предназначены для студентов, специально занимавшихся славянской филологией [10, № 2, с. 110].

²⁵ Для уроженцев Войска Донского в Московском университете учреждались 10 стипендий по 25 рублей в месяц. Для воспитанников Кубанского казачьего войска в Харьковском университете предназначалось 10 стипендий по 240 рублей в год. Эти решения были приняты Военным советом [10, № 2, с. 110].

²⁶ Н. А. Любимов – профессор Московского университета и редактор «Русского вестника», противник устава 1863 г., признавал, что значительная доля студентов и начинающих ученых «страдают удивительной неумелостью справиться с передачей мысли и факта согласно самым элементарным требованиям правильного изложения» [32, с. 69].

²⁷ § 144 (гл. XII. Отд. II) гласит: «Происходящие из податного состояния лица, приобретшие ученые степени, пользуются... правами личного или потомственного почетного гражданства, хотя бы они и не поступили на государственную службу».

²⁸ С 1862 г. все выпускники университетов, имевшие звание действительного студента, наряду с обладателями ученых степеней (доктора, магистра, кандидата), причислялись к разряду «ученых». В переписях населения для «ученых» пореформенной поры не существовало отдельной графы. Их объединяли с литераторами, библиотекарями, музыкантами, лаборантами [40, с. 41, 42].